

1959-й год. Я только что окончил школу и подал документы в Театральный институт. В тот год на свой курс принимал народный артист РСФСР, профессор Л.Ф. Макарьев. На первом туре надо было прочитать стихи, прозу и басню. Я приготовил стихи А.С. Пушкина «Желание славы»»,

Рассказ А.П. Чехова и басню И.А. Крылова. Когда я предстал перед комиссией во главе Л.Ф. Макарьевым², в аудитории было много народа, я очень смутился и читал плохо. Л.Ф. спросил:

– Деточка, сколько вам лет?

– Восемнадцать скоро будет, – ответил я.

– Вы ещё очень молоды, скоро вас призовут в армию, когда отслужите, тогда и приходите. Мы вас с удовольствием прослушаем.

² Макарьев Леонид Фёдорович (12(25) августа 1892, Пермь — 24 апреля 1975, Ленинград) – русский советский актёр, режиссёр, драматург и педагог. Один из основоположников и активных деятелей советского театра для детей. Заслуженный артист РСФСР (1934). Заслуженный деятель искусств РСФСР (1939). Народный артист РСФСР (1956). Участвовал в создании Ленинградского театра юных зрителей (открыт в 1922 г.). Награждён орденами «Знак Почёта» (1939), Трудового Красного Знамени (1957, 1967). *Прим. ред.*

Я вышел из института, перешёл Моховую и очутился возле ТюЗа. На стене висело объявление с приглашением на работу осветителей и рабочих сцены. Я зашёл в вестибюль и случайно встретился с А.А. Брянцевым. Я узнал его сразу, его портреты часто печатались в «Пионерской правде» и в «Ленинских искрах» – газетах моего детства.

– Молодой человек, вам что-то нужно? – спросил он.

Я рассказал ему, что только что получил отказ от Л.Ф. Макарьева, что с детства люблю театр и хочу работать только в театре, а ТюЗу требуются

Он не дал мне договорить:

– Вы ещё очень молоды и слабы, чтобы быть рабочим сцены, ведь надо таскать тяжёлые декорации, а осветителем вы пригодитесь. Кстати, через год в нашем театре будут набирать студию для будущих артистов. Поработайте годик осветителем и, если повезёт, поступите в нашу студию.

Я с удовольствием стал работать осветителем до лета 1960 года. За год я посмотрел все спектакли театра, был на всех сценических репетициях. Я познакомился со всеми актёрами ТюЗа, знал все их роли. Я преклонялся перед ними, считая их небожителями, смотрел на них с восхищением.

Очень часто в театр приходил Леонид Фёдорович, поскольку был актёром и режиссёром театра. И он был для меня Богом. Ему было уже лет 70, но он как юноша взбегал по лестнице театра, поражая не только меня, но и всех работников театра.

В конце сезона 1960 года в ТюЗе начались собеседования и просмотры абитуриентов. Я тоже записался, не зная, когда меня позовут экзаменаторы. В один из дней я, как всегда, работал на сцене, протирая от пыли фонари и софиты и слышал крик помощника режиссёра

– Фёдоров, где вы, почему вы не в фойе театра, там вас давно ждут, бросайте всё и бегом ...

Я всё бросил, побежал в цех за гитарой и, запыхавшись, появился в зрительском фойе, где меня ждала приёмная комиссия. Я даже не успел переодеться. На мне была пыльная чёрная роба, но я не обращал на это внимания. Решалась моя судьба. Я начал с прозы, но не успел сказать трёх предложений – меня остановили:

– Спасибо. Теперь стихи.

Я с воодушевлением стал читать монолог Мцыри, но тоже был остановлен:

– Спасибо, а что вы можете спеть?

Я взял гитару сел на стул и произнёс тихо: «Песня из кинофильма “Дом, в котором я живу”».

Я запел, и никто меня не остановил до самого последнего аккорда гитары. Повисла тишина. Я продолжал сидеть на стуле. В комиссии все молчат, смотрят на меня с интересом. А время поджимало, через полчаса будет приходиться публика на вечерний спектакль. И в тишине раздался голос Леонида Фёдоровича:

– На этом мы сегодня заканчиваем прослушивание, но хочу посоветовать всем, кто ещё не прослушивался. Вот как сейчас выступил Фёдоров, вот так и вы должны поступать, Виктор, обратился он ко мне, Вы освобождаетесь, от всех туров, только сдайте экзамены по литературе и истории, а мы вас с радостью примем в студию. Все свободны!

Я тогда даже не понял, что произошло огромное событие, перевернувшее всю мою жизнь. Отныне вся моя сознательная жизнь подчинена служению муз. Тогда я не понимал, почему меня так выделяет Макарьев, ведь я плохо прочитал и прозу, и стихи, но неплохо пел. Пел я, как говорится с душой, не спеша, проникновенно, и комиссия во главе с Л.Ф. Макарьевым разглядела во мне что-то главное, чему нельзя научить никогда, ни в одном институте.

Когда закончились экзамены, Л.Ф. Макарьев собрал нас, счастливых, ставших студийцами ТЮЗа, поздравил с этим радостным событием и добавил:

– Деточки, прошу вас приобрести маленькую книжечку сонетов Шекспира в переводе С.Я. Маршака. (Надо сказать, что в двадцатые годы Маршак был зав. литературной части ТЮЗа –

В.Ф-В.). Я буду приходить к вам на занятия, и вы мне будете читать сонеты. Желательно выучить всё.

Так Леонид Фёдорович с первых дней нашего пребывания в Театре общал нас к высокой поэзии. И, действительно, в течение трёх с половиной лет каждый его приход в студию начинался с чтения шекспировских сонетов. Л.Ф. был большим

Слева направо Э. Борисов, В. Сошальский, А. Герман, Р. Лебедев, Н. Мамаева, Л.Ф. Макарьев

поклонником не только русской, но и зарубежной поэзии. И эту любовь к слову, к ритму поэзии он старался передать нам. Уже став актёром, где бы, в каком бы городе СССР я ни бывал, первым делом бежал в книжный магазин, в отдел поэзии. Сколько прекрасных поэтов разных стран украшают мою библиотеку, и всё благодаря Леониду Фёдоровичу.

Однажды он прочитал нам стихотворение древнего китайского поэта. Простые слова, но полные глубокого смысла. А потом мы читали их хором.

По дороге в Сычуань размышляю о потерях:

– Человек, потерявший деньги

Сокрушается и горестно вздыхает.

– Человек, потерявший друга,

Молча несёт своё горе.

– Человек, потерявший совесть,

Не замечает потери!

Также, хором мы читали А. С. Пушкина:

Урну с водой уронив,

Об утёс её дева разлила, и т. д.

«Почему хором?» – спросите вы. Это было упражнение для студентов, чтобы никто не выделялся, не вырывался вперёд или не отставал, чтобы все слушали друг друга.

В 1961 году умирает А.А. Брянцев, основатель Ленинградского ТЮЗа. Мы, уже студенты второго курса, и вместе с актёрами Театра ждём назначения нового главного режиссёра. Мы были уверены, что им станет Л.Ф. Макарьев. Но, вопреки ожиданиям, приходит молодой, современный новатор З.Я. Корогодский. Леонид Фёдорович, конечно, был уязвлён этим событием. Он проработал с Брянцевым 40 лет, считался его правой рукой и преемником всех его начинаний. Но власти решили иначе. И однажды Леонид Фёдорович пришёл к нам на занятия очень грустным. Таким я его никогда не видел. Запомнились его добрая улыбка, его внимательный, выразительный взгляд. Он сел за стол, достал из внутреннего кармана пиджака сложенный листок, развернул его, и, глядя на нас грустными глазами, произнёс: «Стихотворение Бориса Пастернака».

Прошло всего несколько лет с той поры, когда преследовали поэта, его стихи были запрещены. Его не издавали и предали анафеме. А Леонид Фёдорович не побоялся прочитать нам вслух:

Стихи великого опального Поэта:

*Быть знаменитым некрасиво,
Не это поднимает ввысь,
Не надо заводить архивы,
Над рукописями трястись.
Цель творчества – самоотдача,
А не шумиха, не успех,
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех. (...)*

Так он с нами попрощался, и мы понимали, как ему было плохо. Это было его завещание нам, будущим актёрам.

В конце жизни, проработав 40 лет в любимом театре, доведя нашу студию до выпуска, он с гордостью и с горечью покинул ТЮЗ и остался преподавать в Театральном институте.

В 1961 г. Л.Ф. задумал поставить спектакль по роману Ю. Германа «Дело, которому ты служишь». По его режиссёрскому плану, когда на сцене кончалась картина, и менялись декорации, в разных точках зрительного зала появлялись студенты, читавшие современные стихи. Надо сказать, что в те годы поэты собирали стадионы, и стихи любили миллионы людей. Чтобы приобщить нас к современной поэзии, Л.Ф. пригласил нескольких молодых поэтов к нам в студию. Они пришли, напористые, уверенные, с первых же строк покорив нас звучанием рифм и чувств. Наш друг Лёня Палей, романтик с горящими глазами увлечённо читал:

*Пахло морем и рыбой сушёной,
И ознобным запахом яблок.
Гордый и чуть смущённый
Я читал ребятам про ярость,
Про ярость из сердца лившуюся (...)*

Среди этих молодых и яростных сидел скромно рыжий паренёк, очень серьёзный и отрешённый. Когда дошла очередь до него, и он начал читать свои стихи, мы онемели: он отличался от всех манерой чтения, он не читал, а как бы напевал, ударяя на каждом слоге: ляля, ляля, ляля, ляля. Нас удивила его манера подачи стиха, мы стали переглядываться, улыбаясь, а потом тихо смеяться. А он читал, не обращая внимания на наши глупые смешки. Много позже я узнал его фамилию. Это был Иосиф Бродский будущий Нобелевский лауреат.

На уроки актёрского мастерства Леонид Фёдорович приходил в хорошем настроении, элегантный, в белоснежной рубашке и синем галстуке. Мы смотрели на него с восхищением! Он входил в аудиторию с улыбкой, поднимая красивые руки вверх, в знак приветствия. Мы все вставали и ждали, пока он сядет. Л.Ф. доставал красную пачку сигарет « Друг » с золотым профилем овчарки, вставлял сигарету в жёлтый янтарный мундштук, прикуривал и тихо спрашивал:

– Кто хочет прочесть сонет?

Мы тянули руки, а он выбирал кого-нибудь из нас, и начинался урок. Он делал замечания очень деликатно. Сегодня я жалею, что в то время не вёл дневник. Многие безвозвратно утеряно...

Это был человек высочайшей культуры, огромной эрудиции. Он знал шесть европейских языков. Вся его жизнь была отдана театру. Сколько бы он мог рассказать о своей жизни, о встречах с выдающимися людьми...

Но мы, молодое поколение, всё куда-то торопились, суетились, откладывая вопросы «на потом», и не заметили, что учёба закончилась, а наш любимый профессор, выпустив наш курс в большую актёрскую жизнь, больше никогда не вернётся в созданный им Театр Юных Зрителей.

Связь моя с Л.Ф. не оборвалась с его уходом из театра. Иногда он приходил на премьеры новых спектаклей, где были заняты его ученики. Между мной и Л.Ф. установились необыкновенно доверительные отношения. Я всегда радовался нашим встречам, и он это чувствовал. Мы стали друзьями. Он был в курсе всего, что происходило в моей жизни и в театре. Я поздравлял Л.Ф. и его жену Веру Алексеевну Зандберг с праздниками и получал от них поздравления. Одно у меня сохранилось. В нём Л.Ф. и В.А. поздравляли меня и жену Свету с рождением нашей дочери.

Несколько раз Л.Ф. и В.А. приглашали нас к себе в гости на чай и пироги. Конечно, мы с радостью принимали приглашения. Вера Алексеевна рассказала нам, что в день нашего посещения Л.Ф. днём ложился спать, чтобы на встрече с нами быть в хорошей форме. В назначенное время мы звонили в кварти-

ру Макарьевых, а за дверью раздавался залиvistый лай Кнопа (любимый спаниель Л.Ф. – В. Ф-В.) Нас встречали все трое: Кноп с тапочками в зубах, улыбающаяся Вера Алексеевна и Л.Ф. в костюме, в туфлях, и никаких стоптанных тапочек или халатов. Как на работе, так и дома. Он уважал своих гостей и был радушным хозяином. Мы шли в кухню, где на столе стоял хрустальный графинчик с водкой. Пирог с апельсиновыми корочками, который пекла Вера Алексеевна специально для гостей. Аромат от него разносился по всему дому. И было так хорошо и светло на душе.

Конечно, со мной всегда была гитара. Л.Ф. любил русские романсы, цыганские песни. Однажды я запел романс Беранже «Нищая». Л.Ф. сидел, прикрыв ладонью глаза, и что-то тихо шептал. Я закончил романс и спросил у Л.Ф. о причине его шёпота.

– Деточка, ответил он, пока вы пели Беранже в русском переводе, я переводил на язык оригинала.

Да, Беранже великий поэт! Жаль что его стихи многим незнакомы, ведь сколько замечательных романсов на его тексты могли бы написать композиторы. Мы вспоминали курьёзные случаи из сценической жизни актёров, об оговорках, о забытых текстах. Мы смеялись, перебивая друг друга. Л.Ф., загадочно улыбаясь, сказал:

“– На сцене всякое бывает, и со мной был грех. Мы играли Чеховский «Вишнёвый сад». Я был режиссёром этого спектакля и исполнял роль Гаева. Отыграв одну из своих сцен, я вышел за кулисы, а, поскольку у меня было время до следующей сцены, я решил покурить. Сажу рядом со сценой, курю, и внимательно слушаю радиотрансляцию со сцены. Актёры разговаривают великолепно, как режиссёр я очень доволен. Актёры меж тем замолчали, наступила пауза. Про себя я говорю:

– Ах, какие молодцы, как хорошо держат паузу, это так чеховски. Именно этого я добивался от актёров. Молодцы! Но почему так долго держат паузу? Это уже перебор.

Вдруг со сцены прибегает помреж:

– Леонид Фёдорович, вы давно должны быть на сцене! У меня чуть инфаркт не случился. Вот как бывает, и никто от накладок на сцене не застрахован”.

Однажды я зашёл в Театральный институт и встретил Л.Ф. Он был очень грустный. «Как учится сегодняшнее молодое поколение?» – поинтересовался я.

Профессор помолчал а потом говорит: «Не знаю, чему учить студентов, искусству или, как приспособливаться в этой жизни, чтобы выжить»...

Я молчал, не зная , что ответить.

«Не исчезайте ребяташки, звоните,» – сказал он на прощание.

Потом жизнь закрутила меня. Концерты, радио, телевидение и большая занятость в театре. В этой бесконечной суете мы как-то на время потеряли связь с Л.Ф. Однажды нам сообщили, что Вера Алексеевна сломала шейку бедра и попала в больницу. А так как Л.Ф. нельзя оставлять одного, то его положили в ту же больницу, этажом выше. Так что Л.Ф. посещал В.А. и общался с ней до самой операции. Вера Алексеевна после наркоза не проснулась. Леониду Фёдоровичу не говорили об этом несколько дней. Но он чувствовал, что её нет. Его уверяли, что она в реанимации, надо подождать. Её похоронили без него, но его чуткое сердце не выдержало. Через несколько дней после её похорон Леонид Фёдорович скончался.

Похоронили его с почестями на Литераторских мостках Волковского кладбища.

Я вспоминаю с нежностью и благодарностью моего дорогого первого учителя. Он оставил в моей душе неизгладимый след. Память о нём всегда жива в моём сердце!

22 февраля 2012 г. ТЮЗ отмечал своё 90-летие. На этом празднике я спел свою песню «Скрипач», посвящённую памяти Леонида Фёдоровича Макарьева.

Вот и октябрь наступает, / Осень ударилась в плач; /
Слышишь, на скрипке играет / Старенький добрый скрипач./
/Птицы на юг улетают, / Жалобно что-то крича,/
Слышишь, как скрипка рыдает /В нервных руках скрипача! /
Что ему осень, ненастье,/ Что ему дней суета – /
Музыка – вот его счастье, / Звуков её красота! /
Он, как когда-то на сцене / Страстно играет в тиши,/
Зная, что кто-то оценит / Боль его нежной души./
Дождь постепенно стихает, / Ветер умерил свой пыл, /
Слышишь, скрипач всё играет! / Господи, дай ему сил!

Санкт-Петербург